

НАШЕ ШИШЕ

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА
ОДНА копѣйка

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ ОДЕССѢ

На 1 мѣсяць . . . — р. 35 к.
3 мѣсяца . . . — р. 90 к.
6 мѣсяцевъ . . . 1 р. 75 к.
12 мѣсяцевъ . . . 3 р. 50 к.

Для иногороднихъ

На 1 мѣсяць . . . — р. 45 к.
3 мѣсяца . . . 1 р. 20 к.
6 мѣсяцевъ . . . 2 р. 25 к.
12 мѣсяцевъ . . . 4 р. 50 к.

РЕДАКЦІЯ ГАЗЕТЫ Александровскій проспектъ 15.

КОНТОРА ГАЗЕТЫ ул. Жуковского, 12. Тел. № 34-75.

Плата за объявленія:

Впередъ текста **30** коп. за строку пятаго, нозада—**15** коп. Годичныя и мѣсячныя объявленія по соглашенію. Для извѣстій за нятій—**15** коп. за объявленіе въ 4 строки на 4-й стрѣжкѣ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ, И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Пріемъ объявленій въ конторѣ газеты ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней отъ 10 час. утра до 7 час. веч.

Къ пятидесятилѣтнему юбилею Антона Павловича Чехова

Род. 17 января 1860 г.

Пѣвецъ ли безнадежности Чеховъ?

«Обойти то мелкое и призрачное, что мѣшаетъ быть свободнымъ и счастливымъ, вотъ цѣль и смыслъ нашей жизни. Впередъ!»

— Такъ говорить одно изъ дѣйствующихъ лицъ чеховскаго „Вишневаго сада“!

И по ироніи судьбы чеховскіе герои всю жизнь проводятъ именно въ будничной сутолокѣ, въ мирно текущихъ жизненныхъ мелочахъ, вдали отъ большой свободной жизни. Они глубоко несчастны забыли о своей свободѣ, не знаютъ смысла жизни а многіе и не ищутъ его.

Они не любятъ сегодняшняго дня и предаются сладкимъ мечтамъ о томъ, что будетъ «черезъ 200—300 лѣтъ». И крылатая слова о счастья черезъ 200—300 лѣтъ характеризуютъ скорѣй ихъ автора нежели его героев, если же этихъ послѣднихъ то въ ихъ устахъ эти 200—300 лѣтъ—одно лишь прекраснѣйшее, хорошая мечта, блестящая оправданіе ихъ праздности.

Въ тяжелой мути повседневности копошатся чеховскіе герои. Всѣ эти талантливые художники, артисты и артистки, молодые, подающіе надежды ученые, старыя знаменитости общественные дѣятели—асъ они оставили свою большую историческую жизнь гдѣ то далеко позади, всѣ они вошли въ чеховскіе чертоги уже разбитыми, уставшими, раздавленными.

Они приходятъ въ восторгъ отъ тихой нѣги обывательщины, легкаго угара пошлости—имъ здѣсь тепло...

И въ ней, въ страшной поглощающей тинѣ пошлости, они начинаютъ жить снова, приспособляются къ ней, живутъ не любя, жирѣютъ, ноютъ и только временами нарушается покой этого скучнаго царства нытиковъ: то

безумецъ разбиваетъ голову, сходить съ ума, стрѣляется бѣжить...

И вотъ эта то пошлость—лейт-мотивъ чеховскаго творчества—оказывается палкой о двухъ концахъ.

Пошлость всегда останется пошлостью.

Но на неуравновѣшенную психику, на людей лишенныхъ прочныхъ устоевъ, на широкіе слои мѣщанства, интеллигенціи—въ разные періоды она производитъ неодинаковое дѣйствіе.

И если въ моменты исторической жизни она отталкиваетъ васъ отъ себя, зажигаетъ въ васъ ненависть, воодушевляетъ и толкаетъ на большую жизнь—то въ періоды спада общественныхъ волнъ та же пошлость манитъ и увлекаетъ, въ свои глубины, засасываетъ...

Вотъ почему, какъ это ни странно, пошлость, обывательщина, служатъ спайкой 2-хъ періодовъ общественнаго развитія вотъ почему Чеховъ—изобразитель пошлости—читается въ періодъ общественныхъ бурь, выскочившимъ изъ своей скорлупы мѣщаниномъ когда и его угнететъ ужасающая пустота обывательщины, вотъ почему онъ не забываетъ, читается и теперь въ годы успокоенія, когда обыватель-интеллигентъ, отскочивъ отъ бурной и опасной чреватой неожиданностями, исторической жизни, ушелъ въ себя, замкнулся, ушелъ подъ сѣнь тихой семейственности, малыхъ дѣлъ, а то и совсѣмъ бездѣлья.

Чехову суждено не сходить со сцены.

Чеховъ становится національнымъ поэтомъ.

И въ этомъ больше всего повинна русская исторія съ ея своеобразно сложившейся русской интеллигенціей, русская дѣйствительность съ ея тяжкими цѣпями, невыносимыми условіями общественной, политической и духовной жизни.

Но заключать отсюда, что Чеховъ

пѣвецъ безнадежности, философъ сумерекъ,—по меньшей мѣрѣ рискованно.

Чеховскіе герои умны, образованны, талантливы, благородны.

Чеховскія женщины—красивы, интересны, окутаны легкой дымкой любовнаго восторга. И когда Чеховъ звергаетъ своихъ героев въ гущу пошлости, когда онъ усаживаетъ ихъ не на свои мѣста, заставляетъ ихъ примириться съ пустотой жизни—тогда хочется кричать, кричать о томъ что расточаются богатая силы, что «гибнуть русскіе лѣса», что нельзя такъ долѣе жить!

Когда убѣленные сѣдинами чеховскіе герои не знаютъ какъ жить, а мужья живутъ съ нелюбимыми женами, когда молодые жаждущіе жизни юноши и дѣвушки не знаютъ куда идти, а неопредѣленное „въ Крымъ, т. е. на Кавказъ“ царитъ повсюду тогда начинаешь понимать что все это печальныя продукты лихолѣтья, что это живыя тѣни безъ огней, безъ дороги бродящія по страшной большой пустынѣ.

И вмѣсто непротивленія рождается гнѣвъ—могучій спасительный гнѣвъ.

Такъ можетъ писать, пишетъ пѣвецъ безнадежности. Нужно слишкомъ ужъ вѣрить въ гибнущія силы, слишкомъ любить ихъ, чтобы горькимъ смѣхомъ силу пробуждать. Да—это не смѣхъ, а плачь.

Не смиреніе а бурный протестъ.

Не умильное примиреніе, а могучее „впередъ“!

Мирный, тихій кроткій писатель—Чеховъ, роняетъ повсюду сѣмена мятежа, бури. Онъ хочетъ прорвать гущу пошлости сломить мрачную стѣну обывательщины, пойти навстрѣчу «ясной жизни».

Тѣмъ самымъ онъ идетъ противъ самого себя, подрѣзаетъ сукъ на которомъ сидитъ, сбрасываетъ себя въ

архивъ исторіи. Все же—слишкомъ душно ему въ «палатѣ» и онъ хочетъ въ степь, въ вольную широкую степь.

Сегодня минуло 50 лѣтъ со дня его рожденія.

Канули въ лету и 5 лѣтъ прошедшіе со дня его кончины. Но сегодня, какъ и вчера, онъ слишкомъ близокъ намъ, не можетъ никакъ не можетъ быть сданъ въ архивъ исторіи.

А. Бряискій.